

tłumaczenia zachodziła niejednokrotnie potrzeba czerpania materiału leksykalnego z innych języków. Było to tym bardziej uzasadnione, gdyż w języku karaïmskim, podobnie jak w innych językach tureckich, terminologia z zakresu kultury duchowej opartej na wierzeniach często bywa zapożyczana z obcych języków. Zjawisko to tłumaczy się w dużej mierze względami natury ekspresywnej. Języki tureckie bardzo często wraz z przyjęciem jakiegoś systemu wierzeń z łatwością przejmują również terminologię związaną z danym systemem. W ten sposób wytwarzają się swego rodzaju wyrażenia tabuistyczne o większej sile ekspresji niż wyrazy rodzime, szczególnie jeżeli idzie o terminologię związaną z wierzeniami. Omawiana tu grupa semantyczna należy do kategorii słownictwa w dalszej kolejności związanego z wierzeniami, przesądami itp. W tym tkwi, jak się wydaje, główna przyczyna potrzeby zapożyczeń. Nie jest też rzeczą przypadkową, że w przedstawionej tu grupie znaczeniowej znalazły się wyrazy przejęte z kręgu terminologii muzułmańskiej. Środowisko islamu wywarło bowiem poważny wpływ na kształtowanie się religijnego słownictwa karaïmskiego. Późniejsze zaś otoczenie słowiańskie również wycisnęło swoje piętno na interesującej nas grupie znaczeniowej.

Dosyć istotnym wydaje się kolejny wniosek jaki można wysnuć na podstawie zebranego materiału. Chodzi mianowicie o wzajemny stosunek terminów w oryginale hebrajskim *Biblij* do ich przekładów w języku karaïmskim. Przede wszystkim należy stwierdzić, że nie ma ściśle ustalonych odpowiedników karaïmskich dla określonych słów i terminów hebrajskich. Widoczna jest natomiast dążność do wiernego oddawania słownictwa oryginału, przy równoczesnej swobodzie doboru środków interpretacyjnych. Stąd też jedno słowo hebrajskiego oryginału ma kilka odpowiedników w przekładach karaïmskich. Zależy to zarówno od dialektu języka karaïmskiego, jak też od indywidualnych cech tłumaczy tekstu biblijnego. Dialekty języka karaïmskiego pod względem słownictwa wykazują pewne, nieraz nawet istotne różnice. Chodzi tu nie tylko o różnice między dialektem krymskim (wschodnim) a dialektami trockim i halickim (zachodnimi), ale też — i to mam przede wszystkim na myśli — o różnice leksykalne między dialektami *t* i *h*. Oczywiście jest to zagadnienie obszerniejsze i wymaga oddzielnego potraktowania. Tym nie mniej, jeżeli idzie o różnorodność przekładową tekstów biblijnych, to już na podstawie zgromadzonego materiału stwierdzić należy, że w języku karaïmskim nie ma jednego, ściśle ustalonego wzoru tłumaczenia tych tekstów. Znaczną rolę odgrywały natomiast tradycyjne szkoły w zależności od środowiska i czasu, co z kolei znajdowało odbicie w słownictwie przekładów karaïmskich.

Караимские женские имена в Крыму и их семантико — этнимологический анализ

Наиболее древние поселения караимов были расположены на территории Причерноморья, главным образом на Крымском полуострове. Караимские колонии группировались в таких районах Крыма, как Солхат (Эски Крым), Мангуп, Кыркйер, Бахчисарай, Каффа, Гёзлев и др. Самыми древними из них считаются Солхат, Мангуп, Кыркйер.

Как у большинства других народностей, наречение новорожденных именем у караимов было связано с исповедуемой ими религией и поэтому многие имена у них библейского происхождения. В первую очередь это относится к мужским именам. Об этом свидетельствуют имена надгробных надписей на одном из самых древних караимских кладбищ, расположенном в Кыркйер (ныне Чуфут Кале) около Бахчисарая. С этим кладбищем, известным под названием «Иософатова долина», связан особый культ караимов Крыма. Растущие на нем старые дубы почитались священными и назывались «Балта тиймез» (то есть «топор не смеет прикоснуться»). На этом кладбище хоронили мужчин и женщин, умерших не только в данной местности, но и в других местах, иногда в весьма отдаленных районах Крыма. Надгробные надписи кладбищ Крыма являются основным источником изучения караимской ономастики, особенно женских имен.

Известный в прошлом столетии коллекционер и знаток караимской эпиграфики А. С. Фиркович (1786–1874) занимался ее изучением с исторической точки зрения. Среди своих соплеменников он почтительно именовался Хаджи Баба (то есть «Отец-Паломник»). Именно он является автором труда о надгробных надписях на древних караимских кладбищах в местностях Кыркйер, Мангуп, Солхат, Каффа, Гёзлев¹. Им опубликованы 564 надгробных надписи, высеченные древнееврейским шрифтом, причем последняя эпитафия датирована 1842 годом. Следует отметить, что в семитских языках, в том числе и в древнееврейском, получила развитие консонантическая система, в которой гласные выполняют лишь вспомогательную функцию и зачастую вовсе опускаются. К тому же, как правило, отсутствуют диакритические знаки. Это приводит к трудностям

¹ А. Фиркович. Авиз зиккарон. Вильна, 1872.

палеографического характера при необходимости прочтения недревне-еврейских слов и выражений, в данном случае при расшифровке имен собственных и фамилий крымских караимов. Правда, в караимском, как и в других языках, большинство имен собственных имеет нарицательное значение, что в определенной степени облегчает их прочтение.

Из 564 эпитафий, опубликованных А. С. Фирковичем, 178 надписей (то есть свыше 30%) посвящены женщинам. О караимских женских именах, распространенных в Крыму, сообщает в своем письме (от 4 апреля 1978 года) С. И. Кушуль, проживающая в Евпатории². Основным источником изучения караимских женских имен остается все же печатное издание надгробных надписей А. С. Фирковича, хотя и остальная информация также была использована нами.

Наиболее многочисленную группу женских имен с этимологической точки зрения составляют имена арабо-персидско-тюркского происхождения. К этой группе принадлежат 40 собственных имен. Некоторые из них встречаются чаще, другие — реже.

Рассмотрим имена этой группы в последовательности, определяемой частотой их употребления.

GULEF (10 случаев употребления). Это сложное слово, восходящее к перс. *gol'-āb* 'розовая вода'³. Ср. также в языке литовско-польских караимов *gīl'af* 'роза'⁴. Подобные сложные женские имена с основой на *gul'* часто встречаются в казанско-татарском языке (см. «Справочник личных имен народов РСФСР». М., 1965; в дальнейшем — «Справочник»). В близком к караимскому карачаево-балкарском языке отмечено также женское имя *Gülžan* (см. «Справочник»).

ARZU (9 случаев употребления). Это персидское слово со значением «желание, стремление»⁵. В тюркском языковом ареале оно с той же семантикой известно в турецком, азербайджанском и туркменском языках. В язык крымских караимов могло перейти непосредственно из турецкого.

VIKEŖE (9 случаев употребления). Это имя состоит из трех компонентов — *bi(j)* + *ke* + *Ŗe*. Слово *bi(j)* во многих тюркских языках, в том числе в кыпчакских (к которым принадлежит караимский), обозначает «господин; властелин», *ke* и *Ŗe* — аффиксы женского рода или диминутивы. Хотя

² Нами была использована также картотека женских имен, составленная Д. М. Гумушом из Севастополя. Обоим информаторам приносим глубокую благодарность.

³ Б. В. Миллер. Персидско-русский словарь. М., 1960, стр. 425.

⁴ «Караимско-русско-польский словарь». М., 1974, стр. 160.

⁵ Б. В. Миллер. Указ. словарь, стр. 15.

тюркские языки в основном не знают категорий грамматического рода, однако в некоторых случаях он обозначается⁶. Таким образом, представленное имя переводится как «госпожа; повелительница». В качестве имени нарицательного форма *biŖeŖe* известна в татарском языке⁷. С именем *ViŖeŖe* связаны имена собственные *ViŖe* и *AkbiŖe* (см. далее).

MAMUK (8 случаев употребления). Это слово как апеллятив известно в огузской группе тюркских языков, где оно представлено в фонетической форме *ramuk* со значением «хлопок; вата» (<перс. *rembe*). Переход в анлауте губных *p > m* в заимствованных словах — явление, обычное для тюркских языков⁸. К тому же женское имя собственное *Ramuk* распространено у туркменов, особенно в народных сказках⁹.

SULTAN (8 случаев употребления). Слово арабского происхождения употребляется на всей территории Ближнего Востока. Когда оно предшествует имени собственному, то означает «монарх, государь», после имени собственного оно переводится как «жена или дочь султана, принцесса».

TOXTAR (5 случаев употребления). Здесь имя собственное имеет глагольную форму, восходящую к тюркскому глаголу *toxta* — «остановиться, задержаться; перестать». Имя собственное *Toxtar*, представленное в форме аориста, приобретает значение причастия, позволяющее ему выступать в определительной функции. Этим именем чаще всего нарекается ребенок, после которого родители не хотят иметь детей, или же в тех случаях, когда новорожденные умирают — как пожелание, чтобы ребенок остался в живых. Это имя как мужское распространено среди казахов¹⁰. Известны также мужские имена *Toxta* и *ToxtamyŖ*.

AKVIKE (4 случая употребления). Это имя включает два компонента: *ak* + *bike*. Первый из них *ak* во всех тюркских языках означает «белый, белая». Вторая часть *bike*, как и в случае с *ViŖeŖe*, состоит из основы *bi(j)* + *ke* (аффикс женского рода) и означает «госпожа; повелительница». Как нарицательное существительное *bike* известно в ряде тюркских

⁶ См.: «Philologiae Turcicae Fundamenta». Bd. I. Wiesbaden, 1959, стр. 268, 330, 429. О категории женского рода в караимском языке см.: W. Zajaczkowski. Sur le genre féminin en langue karaimite. — «Folia Orientalia», 1969, т. XI, стр. 315-317.

⁷ «Татарско-русский словарь». М., 1966, стр. 71; см. также: Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. СПб., 1869, стр. 303.

⁸ См.: М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 146.

⁹ «Туркменско-русский словарь». М., 1968, стр. 513.

¹⁰ См.: Т. Жанузаков. Тайны имен. Алма-Ата, 1974, стр. 117; см. также: L. Rásonyi. Der Frauennamen bei den Türkvolkern. — «Ural-Altische Jahrbücher», 1962, Bd. XXXIV, Heft 3-4, стр. 229.

языков¹¹. Таким образом, имя Akbike переводится как «белая (или чистая) госпожа, повелительница». Аналогичные составные имена собственные существуют и в других языках кыпчакской группы. Например, Gülbike в кумыкском и татарском, а также Akbijçe в карачаево-балкарском (см. «Справочник»). Уместно напомнить, что женские имена с компонентом *ak*, распространенные в кыпчакской среде, восходят к весьма старой традиции XII века, возможно даже, что и к более раннему времени¹².

BIKELEK (4 случая употребления). Это имя собственное следует рассматривать в связи с упоминавшимся выше именем Akbike. Здесь, по-видимому, можно было бы выделить составные части *bike* + *lek*, однако в этом случае затруднительно объяснить наличие частицы *-lek*, ибо в тюркском языковом ареале подобного рода морфемы не существует. Возможна и другая расшифровка этого имени, имеющего в древнееврейском написании начертание: *biklk*. Едва ли правомерно прочтение этого имени как *Bikelik* с тюркским аффиксом *-lik*, означающим, как правило, отвлеченные понятия¹³.

BIÇE (4 случая употребления). Это стяженная форма первоначального слова *bijçe*, в котором *-çe* является аффиксом женского рода, присоединенным к слову *bi(j)*. Указанный аффикс женского рода встречается также в языке литовско-польских караимов, где слово *bijçe* имеет значение «госпожа, королева». Ср. в турецком слово *kraliçe* «королева», происходящее от *kral* «король»¹⁴. Кроме караимского, имя собственное *Bijçe* известно и в карачаево-балкарском языке (см. «Справочник»). Уместно добавить, что имя *Biçe* засвидетельствовано в письменных источниках¹⁵. В качестве семантической аналогии можно привести женское имя *Melike* (см. далее).

BIJANA (4 случая употребления). Это имя можно расчленить на компоненты *bij* + *ana*. Первый из них *bij* «господин, властелин» здесь непосредственно связан со вторым компонентом *ana* «мать», широко рас-

¹¹ См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1911, т. IV, стр. 1739.

¹² См.: Е. Э. Бертельс. Как звали первую жену Низами? — В сб.: «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию». М., 1953, стр. 64–66. Подробнее о семантике слова *ak* см.: А. Н. Кононов. Семантика цветообозначений в тюркских языках. — «Тюркологический сборник. 1975». М., 1978, стр. 170–172.

¹³ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.–Л., 1956, §§ 150–163.

¹⁴ «Турецко-русский словарь». М., 1977, стр. 568–569.

¹⁵ См.: J. Németh. The Runiform Inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the Runiform Scripts of Eastern Europe. — «Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae», 1971, t. 21, стр. 7.

пространенным в тюркских языках. Таким образом, имя означает «мать королева». Следует указать на сходное в морфологическом отношении имя *Vijkeneš* (см. далее).

MENEVŠEK (4 случая употребления). Это заимствование из персидского языка, в котором известно слово *benefše* «фиалка». Чередование губных *b ~ m* в начальной позиции — частое явление. Окончание же *-k* может рассматриваться как персидский уменьшительный аффикс. Таким образом, данное имя означает «фиалочка». В турецком языке то же заимствование встречается в несколько ином фонетическом оформлении — *menekşe*. С именем *Menevšek* связано в известной степени собственное имя *Meneveš* (см. далее).

MURAT (4 случая употребления). Это арабское слово со значением «желание; намерение, стремление». Чаще всего оно встречается в качестве мужского имени, распространенного среди народов Ближнего Востока, например, в Турции. Известно оно также в татарском, карачаево-балкарском, осетинском языках и языках Дагестана (см. «Справочник»).

ALTYNKYZ (3 случая употребления). Тюркское слово, состоящее из компонентов *altyn* + *kuz*, где *altyn* «золото; золотая», *kuz* «девушка». Таким образом, это имя означает «золотая девушка». Это имя собственное имеется и в карачаево-балкарском языке (см. «Справочник»). Дополнительно можно указать на морфологическую аналогию в кумыкском языке, где встречается женское имя *Nurkuz* (см. «Справочник»).

AJTOLU (2 случая употребления). Данное сочетание распадается на тюркские слова: *aj* «луна» + *tolu* «полный» и может быть переведено как «полнолуние». С точки зрения семантики, это широко известный на Ближнем и Среднем Востоке символ женской красоты. Настоящее имя собственное засвидетельствовано в памятниках тюркской письменности, точнее в литературно-языковом памятнике караханидской эпохи XI века «Кутадгу билиг», где оно фигурирует в форме *Ajtoldy*¹⁶. Подобные данному собственным именам неоднократно встречаются и в памятниках кыпчакской группы¹⁷. Достаточно много сочетаний с компонентом *aj* в женских именах живых кыпчакских языков, в первую очередь в казахском и татарском. В караимском наряду с *Ajtolu* известна также фонетическая разновидность *Ajtoly*.

¹⁶ См.: «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 25; ср. также: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.–Л., 1951, стр. 355.

¹⁷ См.: L. Rásonyi. Kuman özel adları. — «Türk Kültürü Araştırmaları». 1966–1969, III–IV, стр. 83–84; его же. Türklükte kadın adları. — «Türk Dili Araştırma Yılıği – Belleten», 1963, стр. 63–87.

VIJKENEŠ (2 случая употребления). Так же как представленное выше женское имя *Vijana*, имя *Vijkeneš* является составным словом, включающим компоненты *bij* + *keneš*. К слову *bij* примыкает вторая часть композиции — *keneš*, которая во многих тюркских языках означает «совет; наставление». Это имя можно перевести как «владыческий совет» или «советница властелина».

DOVLET (2 случая употребления). Слово арабского происхождения, имеющее в арабском языке несколько значений, основным из них является «государство, империя». Кроме того, в турецком языке оно означает также «счастье, благополучие»¹⁸. В крымско-караимский язык это слово заимствовано, видимо, через турецкое посредство, и поэтому в женских именах оно выступает во втором значении — «счастье, благополучие». Как мужское это имя известно также в чеченском языке (см. «Справочник»). В караимском встречается его фонетическая разновидность *Devlet*.

MENEVEŠ (2 случая употребления). Это имя связано с упомянутым выше именем *Menevšek* (< *Meneveš-ek*), уменьшительный аффикс *-ek* который здесь опущен.

SEADET (2 случая употребления). Слово арабского происхождения и означает «счастье, благополучие». Разные варианты его известны и в других тюркских языках: татарском — *Segadet*, башкирском — *Segdet*, кумыкском — *Savdat* (см. «Справочник»).

Женские имена собственные со значением «счастье; счастливая» встречаются и в других языках, например, в латинском — *Beata* или литовском *Laima*.

Ниже приводятся имена, принадлежащие к этой же этимологической группе, однако зарегистрированные лишь в единичном употреблении. Поэтому можно предположить, что они были менее распространенными.

ALTYN. Как апеллятив во всех тюркских языках означает «золото». Употребленное в качестве женского имени переводится как «золотая». Здесь, очевидно, представлена сокращенная форма более полного имени *Altynkuz* (см. выше). Сокращенные формы имен собственных — явление хорошо известное. На это обратил внимание еще полвека назад один из авторов труда по ономастике¹⁹. Имя *Altyn* существует в карачаево-балкарском языке (см. «Справочник»).

¹⁸ См.: *Х. К. Баранов*. Арабско-русский словарь. М., 1958, стр. 340. а также: «Турецко-русский словарь». М., 1977, стр. 225.

¹⁹ См.: *M. Noth*. Die israelitischen Personennamen im Rahmen der gemeinsemitischen Nomenclatur. Stuttgart, 1928, стр. 36–37.

АСКЕЈ. Здесь, по всей вероятности, имеет место фонетическая трансформация первоначального *Hadži-ke*. Известны случаи, когда первый компонент *hadži* сводится к форме *ač*. Об этом говорит, например, имя крымского хана Хаджи-Гирея, в исторических источниках представленное в форме *Ač-kirei*²⁰. Заметим, что целевой заднеязычный согласный *x* в заимствованиях в анлауте очень часто полностью редуцируется. Подобное фонетическое явление имеет место, например, в разговорной речи литовско-польских караимов: *adži* < ар. *hadži*; *afta* < перс. *haftā* и др. Это можно наблюдать и в других тюркских языках. В качестве примера укажем на формы *ažāt* < *hažāt*, *ažib* < *hažib*, засвидетельствованные в «Кутадгу билиг»²¹, а также в казахском языке, ср. *Abyz* из ар. *Xafiz*, *Asan* из ар. *Hasan*, *Anira* из ар. *Hanifa* и др.²² Что же касается второго компонента сложения, то он представляет собой аффикс женского рода *-ke*. Подобно тому как *bi-ke* означает «госпожа, жена властелина», *hadži-ke* имеет значение «жена хаджи (совершившего паломничество)».

АРИЈ. Известно женское имя собственное с этим же окончанием в кумыкском языке, трансформировавшееся в *Atij* (см. «Справочник»). Если предположить, что *Atij* восходит к распространенному в тюркских языках слову *ata* 'отец, предок', то *Arij* можно считать производным от ара~*aba*, то есть стяженной формы другого термина радства *abla*, известного в турецком языке в значении «старшая сестра». Кроме того, собственные имена с компонентом ара~*aba* засвидетельствованы в исторических источниках кыпчакских языков²³.

BALXATYN. Это составное слово, с прозрачной тюркской семантикой: *bal* + *xatyn* 'мед + женщина, жена'. Сходное в морфологическом и семантическом отношении женское имя *Balkuz* встречается в карачаево-балкарском языке (см. «Справочник»).

VIBÜŠ. В узбекском языке имеется слово *bibiš*, означающее «госпожа, хозяйка», употребляющееся обычно в качестве прибавления к женским именам при почтительном обращении. Несомненно, с этим словом связаны также составная часть узбекских имен собственных и почтительное обращение к женщине — *bibi*²⁴. Морфема *-š* является уменьшительно-ласкательным аффиксом в ряде тюркских языков.

²⁰ См.: *Michalonis Lituani*. De moribus Tartarorum, Lituorum et Moschorum. Basileae, 1615, стр. 3.

²¹ См.: «Древнетюркский словарь». стр. 74.

²² Т. Жапузаков. Указ. раб., стр. 12, 26, 33.

²³ Подробнее об этом см.: *L. Rásonyi*. Kuman özel adları, стр. 77–78.

²⁴ «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 70.

GEVHER. Имя собственное, хорошо известное на всей территории Ближнего и Среднего Востока. Как апеллатив арабско-персидского происхождения имеет значение «драгоценность». У тюркоязычных народов в качестве женского имени собственного распространено преимущественно в татарском и карачаево-балкарском языке (см. «Справочник»). Встречается также его фонетическая разновидность *Ževher*.

GULÜŞ. Уменьшительно-ласкательная форма нарицательного имени *gül* 'роза', образованная посредством присоединения ласкательного аффикса *-ş*. Переводится «маленькая роза, розочка».

KEREŞE. В этом имени этимологически ясна лишь частица *-şe*. Арабское слово *kege* 'раз' вряд ли может служить объяснением значения этого имени. По палеографическим особенностям трудно допустить возможность его другого прочтения, например, *кагаşa*.

MELIKE. Это слово арабское и как апеллатив значит «королева». Можно при этом указать на семантическую аналогию с именем *Виşe* (см. выше). Имя *Melike* встречается и в других кыпчакских языках, например, в татарском (см. «Справочник»).

NAZLY. Здесь имеет место сочетание персидского заимствованного слова *naz* '<кокетливость, жеманство>' с тюркским аффиксом обладания *-ly*. Таким образом, рассматриваемое имя означает «кокетливая». Известно также женское имя собственное, бытующее в карачаево-балкарском языке в форме *Nazluhan* (см. «Справочник»).

SANGARIT. Это имя жены Исаака Сангари, одного из караимских миссионеров, могила которого находится также на кладбище в Кыркйер²⁵.

SEVERGELIN. Имя турецкое по происхождению и означает: *sever* 'дорогая, любимая' и *gelin* 'невеста, невестка'. Любопытно отметить, что с основой глагола *sev-* 'любить' связаны имена собственные, засвидетельствованные в древних памятниках тюркской письменности²⁶.

TOTEŞ. Подобно тому как *Bibiş* связано с *bibi*, так и *Toteş* связано со словом *tota* 'старшая сестра' — одним из терминов родства в крымско-караимском языке. Отыменный аффикс *-ş* и здесь выступает в уменьшительно-ласкательном значении. Такую же семантику имеет эта морфема

²⁵ По этому поводу см.: *S. Szyszman*, Les inscriptions funéraires découvertes par A. Fir-kowicz. — «Journal Asiatique», 1975, t. 263, fasc. 3-4, стр. 231-264.

²⁶ См.: *P. Zieme*. Materialien zum uigurischen Onomasticon I. — «Türk Dili Araştırma Yıllığı — Belleten», 1978, стр. 74, 81.

при терминах родства в башкирском языке²⁷. Следует указать на ласкательные формы мужских имен, таких, как *Ibraş* (от *Ibrahim*) или *Memiş* (от *Memed*) и др. В ряде тюркских языков употребление уменьшительно-ласкательных аффиксов в сочетании с именами собственными получает распространение с XIII века²⁸. В кумыкском языке встречается собственное женское имя *Totuş* (см. «Справочник»).

XANYKE. Здесь, видимо, представлена стяженная форма первоначального *Ханум-ке*. Слово *ханум* употребляется в ряде тюркских языков в значении «госпожа; жена» и при почтительном обращении к женщине. Частица *-ke* здесь выполняет функцию аффикса женского рода.

XANYŞ. Подобно тому как слово *Bibiş* связано с *bibi*, а *Gülüş* с *gül* (см. выше), так и слово *Хануş* связано с *ханум* или *хап* в сочетании с ласкательным аффиксом *-ş*.

EVER. Самым близким к этому слову по семантике следует считать турецкий глагол *evegtek* 'выдавать замуж', представляющий собой сокращенную форму *ege vegtek* в таком же значении²⁹.

EVEGEL. Семантика этого имени достаточно прозрачная: *ev-e* 'домой' и *gel* 'приходи'. Таким образом, все выражение означает «приди домой».

EMŞI. Это отгалагольное имя образовано посредством продуктивного в тюркских языках аффикса *-şi* со значением действующего лица от глагола *em-* 'сосать'. Данное имя можно перевести как «сосущее (дитя)».

Следующую этимологическую группу, значительно меньшую по количеству, составляют имена библейского происхождения. Эти имена связаны с исповедуемой религией. Некоторые караимские женские имена библейского происхождения распространены и у других восточных народов.

Как явствует из публикации А. С. Фирковича и упомянутой переписки, к наиболее распространенным караимским женским именам библейского происхождения относятся нижеследующие.

DINA. В такой же форме это имя бытует в кумыкском (см. «Справочник») и казахском языках³⁰.

MERJAM. Распространено также в татарском и в других тюркских языках (см. «Справочник»).

²⁷ См.: *J. Benzing*. Das Baschkirische. — «Philologiae Turcicae Fundamenta». Bd. I. Wiesbaden, 1959, стр. 428.

²⁸ См.: *L. Rásonyi*. Der Frauennamen bei den Türkvolkern. — «Ural-Altische Jahrbücher», 1962, Bd. XXXIV, Heft 3-4, стр. 239.

²⁹ См.: *В. В. Радлов*. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I, стр. 941.

³⁰ См.: *Т. Жанузаков*. Указ. раб., стр. 48.

RAXIL' или RAIL'. Наряду с караимским это имя известно в татарском и башкирском языках, где оно засвидетельствовано в форме Raxile и Raile (см. «Справочник»).

RUXAMA. В татарском это имя представлено в форме Raxime (см. «Справочник»).

SARRA. Встречается также в татарском языке в фонетической разновидности Saga (см. «Справочник»).

TAMARA. Это имя распространено и на Кавказе. В чеченском языке наряду с данной формой имеется также имя Dogmağa (см. «Справочник»). Как нарицательное существительное это слово означает «пальма».

XAVA. Встречается также в карачаево-балкарском, татарском, чеченском языках (см. «Справочник»).

XANNA или ANNA. Данное имя собственное известно у многих народов.

ESTER (библейская трансформация имени вавилоно-ассирийского божества Ištar³¹). В караимском это имя бытует в форме Stira или Stir.

В этом же ряду находятся имена: Batševa, Veguxa, Devoga, Šelomit и др.

Интерес представляют собственные имена, возникшие как результат сочетания имен обеих этимологических групп (арабо-персидско-тюркской и библейской) например: Sarra-Xatun и Ester-Sultan.

Отдельно следует остановиться на именах греческого происхождения, на именах со славянскими окончаниями, а также на именах, происхождение которых не удалось полностью установить.

А. Имена греческого происхождения.

ARKOROLA. Сокращенная форма более полного имени Arkoroula 'дочь Аркороса'. На надгробной эпитафии указано, что покойная родилась в Константинополе. Это весьма существенное разъяснение, так как разговорная речь проживающего в Константинополе караимского населения представляет собой архаический греческий говор, сложившийся, повидимому, еще в византийские времена.

KIL'JA или KALIJA. Происходит, как можно предположить, от греческого слова kale, kali 'красивая'.

³¹ См.: M. Noth. Указ. раб., стр. 11.

KIRA. Известное греческое имя.

FENERIJA или FANARIJA. Восходит, вероятно, к Fanariotes — имени богатых греческих купцов в Константинополе. С этим именем безусловно, связана караимская фамилия в Крыму — Fenerli³².

FROSIN, FROSINI, FOROSONI, FIRSIN. Это фонетические разновидности греческого имени Eufrosyne, а разговорном произношении звучащего Evfrosini.

FUMIJA или FOMIJA. На надгробии покойной с этим именем также отмечено, что она родилась в Константинополе. Это, должно быть, женская форма греческого имени Thomas > Thoma > Foma.

Б. Имена со славянским окончанием.

ANKA, MANKA, NASKA (NUSKA), SARKA, SONUK. Об этих именах опубликована статья, в которой делается попытка их объяснения. По словам автора статьи, эти имена принадлежат женщинам, переселившимся в Крым из южнорусских степей³³.

В. Имена невыясненного происхождения.

AVIAMA и FUMULA.

На протяжении последних ста лет, в особенности со второй половины XIX века, караимских девочек в Крыму нарекали европейскими именами и прежде всего именами, распространенными в России: Вера, Елена, Надежда, Наталья, Ольга, Раиса, Татьяна и т. д.

Таким образом, на основании приведенного выше материала можно сделать вывод, что большинство караимских женских имен в Крыму не связано с исповедуемой религией. Самая обширная группа имен — это имена арабо-персидско-тюркского происхождения, распространенные среди народов, остававшихся в сфере влияния культуры ислама. В тюркоязычной среде рассмотренные имена чаще всего встречаются в памятниках кыпчакской письменности.

Анализ караимских женских имен³⁴ указывает на отражение исторических связей, поддерживаемых караимами на протяжении многих столетий

³² Подробнее об этом см.: Istanbul Ansiklopedisi. Cilt 10. Istanbul, 1971, стр. 5636–5641.

³³ T. S. Lewi-Babowicz. Karaimi na ziemiach południowo-ruskich w wiekach IX–XVII — «Myśl Karaimska», 1929, t. 2, zes. 2, стр. 25–32.

³⁴ Относительно вопросов семантики тюркских имен собственных см.: S. Kakuk. Quelques catégories de noms de personne turcs. — «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», 1974, t. 28, стр. 1–35.

с близкими и другими народами. С этой точки зрения, наряду с именами, распространенными по всей территории Ближнего и Среднего Востока, особого внимания заслуживают также греческие и славянские имена.

LITERATURA KARAIMSKA

Szymona Firkowicza twórczość literacka w języku karaimskim*

Zmarły w 1982 r. Szymon Firkowicz odegrał znaczącą rolę w dziejach kultury karaimskiej w Środkowo-Wschodniej Europie. Na to zwrócił już uwagę wielki przyjaciel Karaimów, znany polski turkolog prof. Tadeusz Kowalski, który – choć nie skory do czczych pochwał – tak oto pisał o Sz. Firkowiczu w publikacji pt. *Karaimische Texte im Dialekt von Troki* (cytuję w moim tłumaczeniu): „Może być on uznany jako animator życia kulturalnego Karaimów nie tylko swego rodzinnego miasta, ale też innych skupisk karaimskich. W wolnych chwilach tworzy z dużym talentem wciąż nowe utwory poetyckie i sztuki sceniczne, grane i śpiewane przez młodzież karaimską. Należy mu się wdzięczność za to, że młodzież w Trokach niejednokrotnie poprawniej mówi i pisze po karaimsku niż przedstawiciele starszego pokolenia. On stale dąży do ciągłego ulepszania swego języka”¹.

Twórczość literacka Sz. Firkowicza w języku karaimskim, czemu poświęcone są dalsze słowa dokładniejszego omówienia, obejmuje ogółem ponad 200 utworów zarówno poezji, jak i częściowo prozy. Nieco danych statystycznych. Większość stanowią utwory pisane wierszem. Na prozę składają się sztuki sceniczne i opowieści historyczne. Najwięcej utworów wierszowanych znaleźć można w zbiorze sporządzonym przez p. Michała Firkowicza i wydanym w 1971 r. przez karaimski „Samizdat” w niewielkiej liczbie egzemplarzy. We wspomnianym tomiku na 165 pozycji mamy 2 teksty prozą, natomiast pozostałe są pisane wierszem. Wśród ogólnej liczby utworów poetyckich w zbiorze obok twórczości oryginalnej autora jest też 55 przekładów z literatur obcych. Niezależną pozycję stanowią wierszowane pieśni żałobne, po karaimsku *syjyt jyrлары* zebrane również przez p. Michała Firkowicza w formie oddzielnego maszynopisu.

Na spuściznę literacką Sz. Firkowicza w postaci drukowanej składają się przede wszystkim wiersze w liczbie około 50 i 4 scenki rodzajowe opublikowane przez prof. T. Kowalskiego w cytowanych wyżej *Tekstach*. Poza tym kilka

* Artykuł A. Dubińskiego ukazał się w języku rosyjskim pt. *Literaturnoje tworczestwo Simona Firkowicza (na karaimskom jazykie)* w miesięczniku Związku Pisarzy Litewskich „Vilnius” nr 8, 1993, Wilno, s. 126-133.

¹ T. Kowalski, *Karaimische Texte im Dialekt von Troki*, Kraków 1929, s. 293.

